

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ  
УЧРЕЖДЕНИЕ  
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ  
СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА №11  
ИМ. ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА  
АИПОВА МАХМУТА ИЛЬЯЧЕВИЧА  
городского округа Октябрьск Самарской области

Доклад на тему:  
**«Блокада Ленинграда»**



Авторы: Молодкина Ульяна  
Колягина Наталья  
Ерёмина Татьяна

Руководитель: Майорова О. С.,  
руководитель  
школьного музея «Поиск»

2015 год

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение .....	3 - 5
Глава I. «Ленинград оказался первым стратегическим объектом на пути вермахта, который он не смог взять» .....	6 - 9
Глава II. «Пусть будет в будущем по ленинградцам равняться самый смелый человек!» .....	10 – 23
Глава III. «Страна, художники которой в эти суровые дни создают произведения бессмертной красоты и высокого духа, — непобедима!» .....	24 - 28
Глава IV. "Вперёд, орлы! Ломай блокаду, её железное кольцо!" .....	29 - 33
Заключение .....	34 - 35
Список использованной литературы .....	36

## ВВЕДЕНИЕ

Его облик бесподобен, его история уникальна. Он стал «окном в Европу» и столицей гигантской Российской империи, едва явившись свету.

Великим Пушкиным он был наречён «Петра твореньем» и воспет в произведениях русской классики. Окрещённый «северной Венецией», он застраивался и украшался крупнейшими русскими и зарубежными зодчими: Василием Баженовым, Михаилом Земцовым, Джакомо Кваренги, Бартоломео Карло и Варфоломеем Растрелли, Карлом Росси, Иваном Старовым, Андреем Захаровым, Андреем Воронихиным и многими другими.

Прямые широкие улицы и проспекты, великолепные площади и набережные, ажурные мосты через, кажется, несчётное количество каналов и полноводную Неву. Величественным силуэтом вырисовывается на фоне неба Исаакиевский собор, царственные Смольный и Эрмитаж; тянутся ввысь шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости. Развесистые кроны вековых деревьев Крестовского острова, Летнего сада, старинных парков Пушкина, Гатчины, Павловска, Петергофа, Ломоносова укрывают в своей тени горожан и туристов.

*Всё это — сейчас, и всё это — о Санкт-Петербурге, городе, по праву являющимся одним из прекраснейших в мире, и городе, который пытался уничтожить германский фашизм.*

Но тогда, в сорок первом, всё было иначе: другое название — Ленинград, другая страна — Советский Союз, другой государственный строй — социализм, и оттого, верно, другие люди — доблестные ленинградцы, бесстрашно сражавшиеся на полях боёв с ненавистным врагом на фронте.

Для сотен тысяч женщин, детей и стариков, оставшихся в стенах города Ленина, как он именовался в советское время, фронт был повсюду: в комнате коммуналки, у станка в цеху, за письменным столом в учреждении, на улице, в бомбоубежище.

Говоря о Великой Отечественной Войне, мы привыкли ассоциировать с подвигом, когда ещё совсем «зелёный», едва достигший совершеннолетия парнишка из села ценою собственной жизни бросается в атаку почти без вооружения, чтобы прикончить десяток «фрицев» и тем самым отомстить за Родину и свой дом, сожженный каким-нибудь нахальным немецким фельдфебелем, где были мать-старушка и старшие сёстры. Или когда, стиснув зубы от нечеловеческой боли, партизан молча, терпит садистские пытки врага и погибает смертью храбрых, не выдав ни одного из своих товарищей. Никто не станет спорить: это — подвиг.

Но не подвиг ли, когда мать многодетного семейства, найдя чьи-нибудь потерянные хлебные карточки, преодолевая усталость и немощь от голода, идёт в другой конец города, чтобы передать их своим братьям по большому ленинградскому несчастью, которые без этих карточек просто погибли бы?! Не подвиг ли, когда в сельскохозяйственном НИИ, где имеются в достаточном количестве всевозможные привезённые со всех концов света образцы редчайших аграрных культур, единственный из оставшихся в живых

сотрудников сохраняет их все, не съев ни одного зёрнышка, сохраняет не на чёрный день, а для науки будущего?! Не подвиг ли, когда умнейшие и интеллигентнейшие специалисты Эрмитажа, учёные с мировым именем, после авиаобстрела противника забираются на крышу и закоченевшими, слабыми руками латают дыры в стенах, чтобы снег или дождь не испортил экспонаты?! Не подвиг ли, когда отощавшая и простуженная женщина с температурой за сорок и слышать не желает, что ей нужно отлежаться хоть один день и придти в себя, и, отдавая все силы работе, перевыполняет план на 200-220 процентов?! И здесь никто не станет прекословить: это — подвиг.

Подобных подвигов в блокадном Ленинграде было несметно много, и они стали возможны благодаря таким людям с великой силой духа, какие жили и трудились в городе на Неве и по всей большой советской стране.

Великая Отечественная война по сей день является той темой, изучением которой заняты многие историки и писатели. Постоянно переиздаются многотомные справочники и энциклопедии. Разного рода иллюстрированные издания, посвящённые как всей войне, так и её отдельным битвам, дают наиболее полное представление о боевых действиях и состоянии гражданского населения.

Существуют и специальные серии изданий, объединённые общей темой или общим смыслом. В серии «Города-герои» есть том, раскрывающий перед читателем всю историю героической борьбы за Ленинград: от летних месяцев 1941 года, когда город готовился достойно встретить врага, до долгожданного салюта в честь полного снятия блокады.

Однако наибольший интерес представляет литература об обычных людях — свидетелях того страшного учинённого фашистами «блицкрига», который растянулся почти на четыре года. «Очерки о Великой Отечественной войне 1941-1945» повествуют не только обо всех основных событиях, наступлениях и отступлениях противоборствующих сторон, начиная с обороны Брестской крепости и кончая капитуляцией Японии. Эта книга ценна представлением всеобщей панорамы того, что скрывалось за сухими сводками Совинформбюро, и как достигались даже самые незначительные, на первый взгляд, успехи Красной Армии.

«Великой Отечественной войной в лицах» можно назвать и такую книгу, как «Разорванное кольцо» И. Цыбульского в соавторстве с В. и О. Чечиными, которая рассказывает о людях и поступках, имевших место быть в действительности. «Разорванное кольцо» — о водителях, возивших по Ладожскому льду грузы; о лётчиках, защищавших единственную ниточку, связывающую осаждённый город с Большой землёй; о пекарях, в буквальном смысле дающих жизнь голодным горожанам. В общем, о тех, кто обеспечивал жизнь огромному Ленинграду до прорыва и снятия блокады.

В достоверности написанного в книге «Репортаж из блокады» также сомневаться не приходится, ведь её автор — известный в прошлом радиожурналист Лазарь Маграчев. Все эпизоды «Репортажа» — это переведённые на бумагу слова ленинградцев, выступавших по радио во

время войны. Это не только свидетельства переживших тяжёлые блокадные дни, но и их воспоминания и будто бы взгляд из прошлого. «Репортаж из блокады» — не для любителей мемуаров, хотя личные воспоминания самого Маграчева там присутствуют (речи Ольги Берггольц на ленинградском радио, неожиданная встреча с корреспондентом британского Би-Би-Си и так далее). Скорее, эта небольшая книжка поможет окунуться в атмосферу города, отрезанного от всей страны, но не желавшего сдаваться.

С такой важной частью в изучении обороны Ленинграда, как прорыв блокады, знакомит небольшая, но ёмкая книжка Д. Жеребова и И. Соломахина «Семь январских дней». Это подробное описание подготовки и осуществления операции «Искра», которая позволила Ленинграду спустя полтора года после оцепления города фашистскими войсками начать новую главу в своей жизни и надеяться больше прежнего, что «враг будет разбит, победа будет за нами!».

872 дня блокады... Это кусочек хлеба меньше ладони, который делился на три-четыре части... Это промёрзшие стены дома, где никак нельзя согреться... Это грохот упавшей бомбы за окном... Это брат или сестра, мама или папа, не выдержавшие испытаний, которых ты везёшь на кладбище на санках...

Кто знает, что такое блокада? У каждого, кто её пережил, она своя, неповторимо трагичная, неповторимо безжалостная.

Тем же, кому повезло не знать, что такое блокада, остаётся лишь одно: основываться на самых разных данных, читать самые разные высказывания и задавать себе вопрос «Что такое блокада, какой она была?»

Вот как удалось ответить на этот вопрос мне...

## Глава I. «ЛЕНИНГРАД ОКАЗАЛСЯ ПЕРВЫМ СТРАТЕГИЧЕСКИМ ОБЪЕКТОМ НА ПУТИ ВЕРМАХТА, КОТОРЫЙ ОН НЕ СМОГ ВЗЯТЬ»

Мирно спящие жители Страны Советов пробудились от первых звуков надвигающейся войны на рассвете 22 июня 1941 года: нацистская Германия, нарушив предписания Пакта о ненападении, вторглась в пределы СССР. Неприятельская авиация бомбардировала многие крупные города, порты, железнодорожные узлы, аэродромы, военно-морские базы, казармы войск, летние лагеря. Вторжение осуществлялось и сухопутными войсками вермахта.

Гитлеровцы действовали по специально разработанному проекту ведения боевых действий против Советского государства — плану «Барбаросса». Безусловно, основной целью германского командования была Москва. Однако, ввиду его огромной политической, экономической и стратегической важности, вначале предполагалось овладеть Ленинградом.

Военачальники Третьего Рейха не напрасно рассчитывали на захват города на Неве: овладение Ленинградом, Кронштадтом и Мурманской железной дорогой автоматически повлечёт за собой потерю Советским Союзом Прибалтики, приведёт к гибели Балтийского флота (а это значит, что общие оборонительные возможности советских вооружённых сил будут гораздо ниже), лишит СССР коммуникаций, ведущих вглубь страны от портов Баренцева и Белого морей, а также позволит немцам установить непосредственные контакты со своими финскими соратниками. Имея Ленинград и прилегающую к нему местность в своем распоряжении, вермахт приобрёл бы не только весьма удобные морские и сухопутные пути для обеспечения провиантом, вооружением и многим другим войск групп армий «Север» и «Центр», но и выгодные позиции для удара в тыл советским вооружённым силам, прикрывавшим Москву. Вот как об этом писал один из разработчиков плана «Барбаросса» фельдмаршал Ф. Паулюс: «Овладение Ленинградом преследовало несколько военных целей: ликвидация основных баз русского Балтийского флота, вывод из строя военной промышленности и ликвидация Ленинграда как пункта сосредоточения для контрнаступления против немецких войск, наступавших на Москву».

На ленинградском направлении действовала группа армий «Север» (16-я и 18-я армии, 4-я танковая группа — всего 29 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных) под командованием генерал-фельдмаршала В. фон Лееба, поддерживаемая с воздуха 1-м воздушным флотом (760 самолётов). Кроме того, в первоначальном ударе по войскам Прибалтийского Особого военного округа должна была участвовать часть сил группы армий «Центр» (3-я танковая группа и почти вся 9-я армия). Все вышеуказанные соединения включали в себя 42 дивизии, где насчитывалось около 725 тыс. солдат и офицеров, свыше 13 тыс. орудий и миномётов, не менее 1500 танков. К тому же, Германия поддерживалась финскими вооружёнными

силами, которые сосредоточились на рубежах СССР в количестве 14-ти дивизий при содействии 307 самолётов финских ВВС.

Захват Ленинграда заключался в следующем. Главные силы группы армий «Север» должны были стремительным ударом через р. Лугу на Красногвардейск (ныне — Гатчина) разгромить советские войска на подступах к Ленинграду и овладеть городом. Финским боевым соединениям предстояло перейти в наступление на Карельском перешейке, а также между Онежским и Ладожским озёрами, чтобы соединиться с немецко-фашистскими армиями на р. Свирь и в районе Ленинграда. Одновременно намечалось осуществление более широкого двустороннего охвата данной местности: силами 16-й армии через р. Старая Русса в обход озера Ильмень и финской армией через Петрозаводск на р. Свирь.

Таким образом, германское командование намеревалось захватить Ленинград комбинированным ударом: с северо-запада — финскими войсками, с юга и юго-востока — немецкой группой армий «Север».

Противнику в это время противостояли вооруженные силы Северо-Западного фронта (генерал-майор П.П. Собенников; 8-я, 11-я и 27-я армии, всего 31 дивизия и 2 бригады) и Северного фронта на Карельском перешейке и в Карелии (генерал-лейтенант М.М. Попов; 7-я и 23-я армии; всего 8 дивизий). Однако группа армий «Север» превосходила советские войска Северо-Западного фронта по пехоте — в 2,4; по орудиям — в 4; по миномётам — в 5,8; по танкам — в 1,2; по самолётам — в 9,8 раз.

Наступление войск вермахта непосредственно на Ленинград началось 10 июля 1941 года с рубежа р. Великая. Они развернули наступление на юго-западном и северном подступах к Ленинграду и в конце июля ценой немалых потерь вышли на границу рек Нарва, Луга и Мшага.

Власти города отлично понимали всю серьёзность текущего положения, поэтому было крайне важно эффективно организовать работу по подготовке Ленинграда к обороне. Ленинградская партийная организация направила воззвание всем трудящимся города. Ниже приведены его фрагменты:

#### «ТОВАРИЩИ ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей Родины. Не бывать этому!

Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!

Будем стойки до конца, не жалея жизни будем биться с врагом, разобьём и уничтожим его!

Главнокомандующий Маршал - К. Ворошилов

Секретарь Ленинградского городского комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) - А. Жданов

Председатель исполкома Ленинградского городского Советов депутатов трудящихся - П. Попков».

Но от слов нужно было переходить к делу: ещё 1 июля 1941 года была создана Комиссия по вопросам обороны Ленинграда. Её председателем стал А.А. Жданов. 30 июня по инициативе парторганизации Ленинграда в городе началось формирование народного ополчения. Заявления подавали рабочие предприятий, студенты, аспиранты и профессора вузов, представители интеллигенции и люди самых разных профессий. Было отобрано около 160 тыс. человек, хотя желающих оказалось более чем в два раза больше.

Также в целях подготовки необходимого резерва защитников города 13 июля 1941 года было принято постановление о военном обучении всех мужчин в возрасте от 17 до 55 лет. Вводилась обязательная всеобщая подготовка населения по противовоздушной обороне. К 10 августа на занятия по военной подготовке ходило более 100 тыс. человек.

Были приняты и такие меры, как введение поголовной трудовой повинности. 27 июня исполком Ленгорсовета принял постановление о привлечении к нему жителей Ленинграда, Пушкина, Колпино, Кронштадта и Петергофа.

Жители Ленинграда отработали на оборонительных стройках только в одном 1941 году около 15 тыс. человеко-дней. Протяжённость сооружённых ими противопехотных и противотанковых препятствий была в три раза больше расстояния между Москвой и Ленинградом (т. е. не менее 1800 км).

Общая длина окопов, траншей, ходов сообщения, укрытий для пехоты и огневых средств достигала 1000 км. Было вырыто 626 км противотанковых рвов, сооружено 406 км эскарпов и контрэскарпов, около 50 тыс. надолб, 306 км лесных завалов, 35 км городских баррикад, 635 км проволочных заграждений, 935 км ходов сообщения, 15 тыс. дотов и дзотов, 22 тыс. огневых точек в городе, 2300 командных и наблюдательных пунктов.

Никто не хотел оставаться в стороне, когда решается судьба любимого города. В августе в кратчайшие сроки сформировались 79 рабочих батальонов, состоящих из 41 тыс. бойцов. Они предназначались для обороны города, охраны фабрик, заводов и учреждений. В их составе на добровольных началах служили женщины и подростки.

8 августа 1941 года силы вермахта перешли в наступление на красногвардейском направлении. Несмотря на героические оборонительные действия советских войск, к 1 сентября они были отброшены противником на расстояние 30-40 км восточнее Кексгольма и Выборга. Создалась реальная угроза окружения Ленинграда. К тому же наступление вдоль шоссе Москва — Ленинград, осуществлённое немецко-фашистскими вооружёнными силами, позволила противнику 30 августа выйти с юга к Неве в районе Ивановских порогов и, захватив станцию Мга, перерезать железную дорогу, связывающую город со страной. Спустя чуть более недели — 8 сентября — неприятель овладел Шлиссельбургом (вернее, его частью, но, как оказалось, и этого было достаточно), что позволило отрезать Ленинград с суши. С этого



дня сообщение с внешним миром могло осуществляться только по воздуху и Ладожскому озеру. Началась 900-дневная блокада Ленинграда...

## Глава II. «ПУСТЬ БУДЕТ В БУДУЩЕМ ПО ЛЕНИНГРАДЦАМ РАВНЯТЬСЯ САМЫЙ СМЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК!»

Первым тяжёлым испытанием, которое выпало на долю мужественных ленинградцев, были регулярные артобстрелы (первые из них датируются 4-м сентября 1941 года) и удары с воздуха (хотя впервые вражеские самолёты пытались проникнуть в городскую черту ещё в ночь 23 июня, но прорваться туда им удалось лишь 6 сентября). Однако германская авиация сбрасывала снаряды не хаотично, а по чётко выверенной схеме: в их задачу входило уничтожение как можно большего количества мирных граждан, а также стратегически важных объектов.

Рассмотрим один из таких авианалётов: Во второй половине дня 8 сентября в небе над городом появились 30 неприятельских бомбардировщиков. Посыпались фугасные и зажигательные бомбы. Пожар охватил всю юго-восточную часть Ленинграда. Огонь стал пожирать деревянные хранилища Бадаевских продовольственных складов. Горели мука, сахар и другие виды продовольствия. Потребовалось почти 5 часов, чтобы усмирить пожарище. «Голод навис над многомиллионным населением — нет Бадаевских продовольственных складов». «На Бадаевских складах 8 сентября пожар уничтожил три тысячи тонн муки и две с половиной тонн сахара. Это то, что потребляется населением всего за три дня. Основная же часть запасов была рассредоточена по другим базам..., в семь раз больше, чем сгорело на Бадаевских». Но отброшенные взрывом продукты не были доступны населению, т.к. вокруг складов установили оцепление.

Всего за время блокады на город было сброшено свыше 100 тыс. зажигательных и 5 тыс. фугасных авиабомб, около 150 тыс. снарядов. Только за осенние месяцы 1941 года воздушная тревога объявлялась 251 раз. Средняя продолжительность артобстрела в ноябре 1941 года составила 9 часов.

Не теряя надежды взять Ленинград штурмом, 9 сентября немцы двинулись в новое наступление. Главный удар наносился из района западнее Красногвардейска. Но командование Ленинградского фронта перебросило в наиболее угрожающие участки часть войск с Карельского перешейка, пополнило резервные части отрядами народного ополчения. Данные меры позволили фронту на южном и юго-западном подступах к городу стабилизироваться.

Было ясно, что план фашистов по захвату Ленинграда потерпел фиаско. Не добившись ранее поставленных целей, верхушка вермахта пришла к выводу, что только длительная осада города и непрекращающиеся авианалёты могут привести к его овладению. В одном из документов оперативного отдела генерального штаба Третьего Рейха «О блокаде Ленинграда» от 21 сентября 1941 года говорилось:

«б) Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией...

в) Когда террор и голод сделают в городе своё дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей...

г) Остатки «гарнизона крепости» (так противник именовал гражданское население Ленинграда — прим. авт.) останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город ... вывезем всё, что осталось живое, вглубь России или возьмём в плен, сровняем Ленинград с землёй и передадим район севернее Невы Финляндии».

Таковы были планы фашистов. Но советское командование не могло мириться с такими обстоятельствами. *10-м сентября 1941 года датируется первая попытка деблокады Ленинграда.* Началась Синявинская операция войск 54-й отдельной армии и Ленинградского фронта с целью восстановления сухопутной связи города со страной. Советские войска испытывали недостаток сил и не смогли выполнить задачу. 26 сентября операция закончилась.

Тем временем ситуация в самом городе становилась всё тяжелее и тяжелее. В осаждённом Ленинграде оставалось 2, 544 млн. человек, в их числе — около 400 тыс. детей. Не смотря на то, что с середины сентября начал действовать «воздушный мост», а на несколько дней раньше к Ленинградскому берегу стали причаливать небольшие озёрные суда с мукой, запасы провианта сокращались с катастрофической скоростью.

18 июля 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление ввести в Москве, Ленинграде и их пригородах, а также в отдельных населённых пунктах Московской и Ленинградской областей карточки на важнейшие продовольственные продукты (хлеб, мясо, жиры, сахар и т.п.) и на промтовары первой необходимости (к концу лета по карточкам такие товары выдавались уже по всей стране). Они устанавливали следующие нормы на хлеб:

1. Рабочим и инженерно-техническим работникам угольной, нефтяной, металлургической отраслей промышленности полагалось от 800 до 1200 гр. хлеба в день.
2. Остальной массе рабочих и инженерно-технических работников (например, отраслей лёгкой промышленности) выдавалось по 500 гр. хлеба.
3. Служащие различных отраслей народного хозяйства получали по 400-450 гр. хлеба в день.
4. Иждивенцам и детям же приходилось довольствоваться 300-400 гр. хлеба в сутки.

Однако к 12 сентября в отрезанном от Большой земли Ленинграде оставалось: хлебного зерна и муки — на 35 суток, крупы и макарон — на 30, мяса и мясопродуктов — на 33, жиров — на 45, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток. В этот день в Ленинграде произошло первое сокращение установленных по всему Союзу дневных норм хлеба: 500 гр. для рабочих, 300 гр. для служащих и детей, 250 гр. для иждивенцев.

Но враг не успокаивался. Вот такая запись от 18 сентября 1941 года значилась в дневнике начальника генштаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Ф. Гальдера: «Кольцо вокруг Ленинграда пока не замкнуто так плотно, как хотелось бы... У противника сосредоточены крупные людские и материальные силы и средства. Положение здесь будет напряжённым, пока в качестве союзника не даст себя почувствовать голод». Герр Гальдер, к великому сожалению для жителей Ленинграда, думал абсолютно верно: голод действительно ощущался всё больше и больше с каждым днём.

С 1 октября горожане стали получать по 400 гр. (рабочие) и по 300 гр. (все остальные). Съестное, доставлявшееся по водному пути через Ладогу (за всю осеннюю навигацию — с 12 сентября до 15 ноября — было завезено 60 тонн провианта и эвакуировано 39 тыс. человек), не покрывало и трети потребностей городского населения.

Ещё одной существенной проблемой стала острая нехватка энергоносителей. В довоенное время ленинградские заводы и фабрики работали на привозном топливе, но осада нарушила все поставки, а имеющиеся припасы таяли на глазах. Над городом нависла угроза топливного голода. Для того чтобы создававшийся энергетический кризис не стал катастрофой, 8 октября Ленинградский исполком депутатов трудящихся принял решение о заготовке дров в районах севернее Ленинграда. Туда были отправлены отряды лесозаготовителей, которые состояли в основном из женщин. В середине октября отряды начали свою работу, но с самого начала стало ясно, что план лесозаготовок выполнен не будет. Свою немалую лепту в разрешение топливного вопроса внесла и ленинградская молодёжь (на лесозаготовках принимало участие около 2 тыс. комсомольцев, преимущественно девушек). Но и их трудов было мало для полного или почти полного обеспечения предприятий энергией. С наступлением холодов заводы останавливались один за другим.

Облегчить жизнь Ленинграда могло только снятие осады, для чего 20 октября стартовала Синявинская операция войск 54-й и 55-й армий и Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Она совпала с наступлением немецко-фашистских войск на Тихвин, потому 28 октября деблокаду пришлось отложить по причине обострившейся обстановки на тихвинском направлении.

У немецкого командования интерес к Тихвину возник после неудач с захватом Ленинграда с юга. Именно это местечко было прорехой в кольце окружения вокруг Ленинграда. И в результате тяжёлых боёв 8 ноября фашисты сумели-таки занять этот городок. А это значило одно: Ленинград лишился последней железной дороги, по которой по Ладожскому озеру шли грузы в город. Но река Свирь осталась недосыгаемой для неприятеля. Более того: в результате Тихвинской наступательной операции в середине ноября немцы были отброшены за реку Волхов. Освобождение Тихвина осуществилось только спустя месяц после его захвата — 9 декабря.

8 ноября 1941 года Гитлер самонадеянно изрекал: «Ленинград сам поднимет руки: он неминуемо падёт, раньше или позже. Никто оттуда не освободится, никто не прорвётся через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью». Кому-то тогда могло показаться, что так оно и будет. 13 ноября зафиксировано очередное снижение норм выдачи хлеба: рабочим и инженерно-техническим работникам выдали по 300 гр., остальному населению — по 150 гр. Но когда навигация по Ладоге уже почти прекратилась, и в город фактически не доставлялся провиант, даже этот скудный паёк пришлось урезать. Самые низкие нормы отпуска хлеба за весь период блокады были установлены на следующих отметках: рабочим выдавалось по 250 гр., служащим, детям и иждивенцам — по 125 гр.; войскам первой линии и боевых кораблей — по 300 гр. хлеба и 100 гр. сухарей, остальным воинским частям — по 150 гр. хлеба и 75 гр. сухарей. При этом стоит помнить, что все подобные изделия выпекались не из первосортной или даже второсортной пшеничной муки. Блокадный хлеб того времени имел следующий состав:

мука ржаная — 40 %,

целлюлоза — 25%,

шроты — 20 %,

мука ячневая — 5%,

солод — 10 %,

жмых (при наличии заменял целлюлозу),

отруби (при наличии заменяли шроты).

В блокадном городе хлеб был, безусловно, высшей ценностью. За буханку хлеба, кулёк крупы или банку тушёнки люди были готовы отдавать даже семейные драгоценности. У разных людей были разные способы разделения ломтика хлеба, который выдавался каждое утро: кто-то разрезал на тонкие пластинки, кто-то — на крохотные кубики, но все сходились в одном: самое вкусное и сытное — это корка. Но о какой сытности может идти речь, когда каждый из ленинградцев худел на глазах?

В таких условиях приходилось вспоминать древние инстинкты охотников и добытчиков пропитания. Тысячи изголодавшихся людей потянулись в предместья города, на поля. Порой под градом вражеских снарядов измождённые женщины и дети разгребали снег руками, копали застывшую от мороза землю, чтобы найти хоть несколько оставшихся в почве картофелин, корневища или листья капусты. Уполномоченный Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению Ленинграда Дмитрий Васильевич Павлов в своём сочинении «Ленинград в блокаде» писал: «Чтобы заполнить пустые желудки, заглушить ни с чем несравнимые страдания от голода, жители прибегали к различным способам изыскания пищи: ловили грачей, яростно охотились за уцелевшей кошкой или собакой, из домашних аптечек выбирали всё, что можно применить в пищу: касторку, вазелин, глицерин; из столярного клея варили суп, студень». Да, горожане отлавливали всё, что бегало, летало или ползало. Птицы,

кошки, собаки, крысы — во всей этой живности люди видели, прежде всего, еду, поэтому во время блокады их популяция в пределах Ленинграда и близлежащих окрестностей была почти полностью уничтожена. Бывали и случаи каннибализма, когда крали и съедали младенцев, отрезали наиболее мясистые (главным образом, ягодицы и бёдра) части тела у покойников. Но рост смертности всё равно был ужасающ: к концу ноября от истощения умерло около 11 тыс. человек. Люди падали прямо на улицах, идя на работу или возвращаясь с неё. На улицах можно было наблюдать огромное количество трупов.

К тотальному голоду прибавлялись и страшные холода, наступившие в конце ноября. Столбик термометра нередко опускался до отметки в  $-40^{\circ}$  по Цельсию и почти не поднимался выше  $-30^{\circ}$ . Водопровод замёрз, вышли из строя канализационная и отопительная системы. Уже полностью отсутствовало топливо, остановились все электростанции, замер городской транспорт. Нетопленные комнаты в квартирах, равно как и холодные помещения в учреждениях (стёкла окон зданий выбивались из-за бомбёжек), изнутри покрывались изморозью.

Ленинградцы начали устанавливать в своих квартирах железные печки-временки, выводя трубы из окон. В них сжигалось всё, что вообще могло гореть: стулья, столы, платяные и книжные шкафы, диваны, паркетные полы, книги и прочее. Понятно, что таких «энергоресурсов» не хватало на продолжительный период. По вечерам изголодавшиеся люди сидели в темноте и холоде. Окна латали при помощи фанеры или картона, поэтому студёный ночной воздух почти беспрепятственно проникал в дома. Чтобы согреться, люди надевали на себя всё, что имели, но и это не спасало: целые семьи погибали в собственных квартирах.

Всеми миру известна маленькая записная книжка, ставшая дневником, который вела 11-летняя Таня Савичева. Маленькая школьница, которую покидали силы, не ленилась, записывала: «Женя умерла 28 дек. в 12.30 час. утра 1941 года. Бабушка умерла 25 янв. в 3 час. дня 1942 г. Леня умер 17 марта в 5 час. утра 1942 г. Дядя Вася умер 13 апреля в 2 ч. ночи 1942 г. Дядя Лёша — 10 мая в 4 час. дня 1942 г. Мама — 13 мая в 7 час. 30 мин. утра 1942 г. Савичевы умерли все. Осталась одна Таня».

К началу зимы Ленинград стал «городом льда», как писал американский журналист Гаррисон Солсбери. Улицы и площади занесло снегом, поэтому нижние этажи домов еле видны. «Смолк перезвон трамваев. Застыли вмёрзшие в лёд коробки троллейбусов. Прохожих на улицах мало. А те, кого увидишь, идут медленно, часто останавливаются, набираясь сил. И стрелки на уличных часах заковенели на разных поясах времени».

Ленинградцы уже настолько обессилили, что у них не было ни физических возможностей, ни желания спускаться в бомбоубежище. Тем временем воздушные атаки фашистов становились всё интенсивнее и интенсивнее. Некоторые из них продолжались по нескольку часов, нанося огромный урон городу и истребляя его жителей.

С особым ожесточением германские пилоты целились в заводы и фабрики Ленинграда, такие, как Кировский, Ижорский, «Электросила», «Большевик». К тому же на производстве не хватало сырья, инструментов, материалов. В цехах было нестерпимо холодно, и от прикосновений к металлу сводило руки. Многие труженики производства выполняли работу сидя, так как простоять 10-12 часов было невозможно. Вследствие остановки практически всех электростанций некоторые станки приходилось приводить в движение вручную, из-за чего трудовой день увеличился. Нередко кое-кто из рабочих оставался ночевать в цеху, экономя время на выполнение срочных фронтных заказов. В результате такой самоотверженной трудовой деятельности за второе полугодие 1941 года действующая армия получила из Ленинграда 3 млн. снарядов и мин, более 3 тыс. полковых и противотанковых орудий, 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов и бронеплощадок. Помогали трудящиеся Ленинграда и другим участкам советско-германского фронта. Осенью 1941 года, во время ожесточённых боёв за Москву, город на Неве отправил войскам Западного фронта свыше тысячи артиллерийских орудий и миномётов, а также значительное количество других видов вооружения. Командующий Западным фронтом генерал Г.К. Жуков 28 ноября прислал А.А. Жданову телеграмму со словами: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами».

Но для совершения трудовых подвигов необходима подпитка, вернее, питание. В декабре Военный совет Ленинградского фронта, городской и областной комитеты партии принимали экстренные меры по спасению населения. По заданию горкома несколько сотен человек тщательно обследовали все места, где до войны хранились продукты питания. На пивоваренных заводах вскрывали полы и собирали оставшийся солод (всего удалось скопить 110 тонн солода). На мельницах со стен и потолков соскребали мучную пыль, вытряхивали каждый мешок, где когда-то лежала мука или сахар. Остатки съестного находили на складах, в овощехранилищах и железнодорожных вагонах. Всего таких остатков было собрано около 18 тыс. тонн, что, безусловно, было немалым подспорьем в те тяжёлые дни.

Из хвои было налажено производство витамина С, который действительно защищает от цинги. А учёные Лесотехнической академии под руководством профессора В.И. Шаркова в короткий срок разработали технологию промышленного получения белковых дрожжей из целлюлозы. 1-я кондитерская фабрика начала ежедневный выпуск до 20 тыс. блюд из таких дрожжей.

27 декабря ленинградский горком принял постановление об организации стационаров. Городской и районные стационары действовали во всех крупных предприятиях и предполагали постельный режим для наиболее ослабевших трудящихся. Относительно рациональное питание и тёплое помещение помогало выживать десяткам тысяч людей.

Примерно в то же время в Ленинграде стали возникать так называемые бытовые отряды, в составе которых были молодые комсомольцы, в большинстве своём девушки. Пионерами такой чрезвычайно важной деятельности была молодежь Приморского района, чьему примеру последовали другие. В памятке, которую выдавали членам отрядов, можно было прочитать: «Тебе... поручается забота о повседневных бытовых нуждах тех, кто наиболее тяжело переносит лишения, связанные с вражеской блокадой. Забота о детях, женщинах и стариках — твой гражданский долг...». Сами мучаясь от голода, бойцы бытового фронта приносили немощным ленинградцам воду с Невы, дрова или еду, растапливали печи, убирали квартиры, стирали бельё и т.д. Немало жизней было спасено в результате их благородного труда.

При упоминании о тех невероятных трудностях, с которыми столкнулись жители города на Неве, невозможно не сказать о том, что люди отдавали себя не только у станков в цехах. В бомбоубежищах зачитывались научные работы, защищались диссертации. Ни на один день не закрывалась Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. «Теперь я знаю: только работа сохранила мне жизнь» — произнёс как-то профессор, который был знакомым Татьяны Тэсс, автора очерка о блокадном Ленинграде под названием «Дорогой мой город». Он рассказывал, «как почти каждый вечер он отправлялся из дома в научную библиотеку за книгами».

С каждым днём шаги этого профессора становились медленнее и медленнее. Он постоянно боролся со слабостью и жуткими погодными условиями, в пути его нередко застигали врасплох воздушные тревоги. Бывали даже такие моменты, когда он подумывал, что не дойдёт до дверей библиотеки, но каждый раз взбирался по знакомым ступеням и входил в свой мир. Он видел библиотекаря, которых он знал «добрый десяток лет». Он знал также, что и они из последних сил терпят все блокадные трудности, что и им непросто добираться до своей библиотеки. Но они, собравшись с духом, день за днём вставали и шли на любимую работу, которая так же, как и тому профессору, сохраняла им жизнь.

Считается, что в блокадном городе в первую зиму не работала ни одна школа, но это не так: одна из ленинградских школ проработала весь учебный 1941-42 год. Её директором была Серафима Ивановна Куликевич, до войны отдавшая этой школе тридцать лет.

Каждый учебный день учителя неизменно приходили на работу. В учительской стоял самовар с кипячёной водой и диван, на котором можно было перевести дух после тяжёлой дороги, ведь в отсутствии общественного транспорта голодным людям приходилось преодолевать нешуточные расстояния (один из педагогов от дома до школы проходил тридцать две трамвайные остановки). Не было сил даже для того, чтобы нести портфель в руках: он висел на верёвочке, привязанной к шее. Когда звенел звонок, учителя шли в классы, где сидели такие же обессиленные и истощённые дети, в домах которых неизменно случались непоправимые беды — смерть



отца или матери. «Но дети вставали утром и шли в школу. Их держал на свете не тот скудный хлебный паёк, который они получали. Им сохраняла жизнь сила души».

В той школе учились только четыре старших класса, в одном из которых осталась всего одна девочка — девятиклассница Вета Бандорина. Но учителя всё равно приходили к ней и готовили к мирной жизни...

Однако никак нельзя представить себе историю ленинградской блокадной эпопеи без знаменитейшей **«Дороги жизни» — автомобильной магистрали, проложенной по льду Ладожского озера.**

Ещё в октябре начали проводить работы по изучению озера. В ноябре же исследования Ладоги развернулось в полную силу. Разведывательные самолёты делали аэрофотоснимки местности, активно разрабатывался план строительства дороги. Как только вода разменяла свое жидкое агрегатное состояние на твёрдое, этот район почти ежедневно обследовался специальными разведывательными группами совместно с ладожскими рыбаками. Они осматривали южную часть Шлиссельбургской губы, изучая ледовый режим озера, толщину льда у берегов, характер и места спусков на озеро и многое другое.

Ранним утром 17 ноября 1941 года с невысокого берега Ладоги у деревни Коккорево на ещё неокрепший лёд спустился небольшой отряд бойцов, который возглавил воентехник 2-го ранга Л.Н. Соколов, командир роты 88-го отдельного мостостроительного батальона. Перед первопроходцами ставилась задача разведать и проложить маршрут ледовой трассы. Вместе с отрядом по Ладоге шли два проводника из местных старожилов. Отважный отряд, обвязавшись верёвками, успешно миновал острова Зеленцы, достиг села Кобона, и тем же путём вернулся обратно.

19 ноября 1941 года Военный совет Ленинградского фронта подписал приказ об организации перевозок по Ладожскому озеру, о прокладке ледовой дороги, её охране и обороне. Пять дней спустя утвердили план всей трассы. От Ленинграда она проходила к Осиновцу и Коккорево, затем спускалась ко льду озера и пролегалла по нему в районе Шлиссельбургской губы до села Кобона (с ответвлением на Лаврово) на восточном берегу Ладоги. Далее через болотисто-лесистые места можно было достигнуть двух станций Северной железной дороги — Заборье и Подборовье.

Вначале военно-автомобильная дорога по льду озера (ВАД-101) и военно-автомобильная дорога от станции Заборье до села Кобона (ВАД-102) существовали как бы по отдельности, но позже были объединены в одну. Её начальником был уполномоченный Военного совета Ленинградского фронта генерал-майор А.М. Шилов, а военным комиссаром — заместитель начальника политуправления фронта бригадный комиссар И.В. Шишкин.

Лёд на Ладоге ещё непрочен, а первый санный обоз уже в пути. 20 ноября в город были завезены первые 63 тонны муки.

Голодный город не ждал, потому приходилось идти на всевозможные ухищрения, чтобы доставить наибольшую массу продовольствия. Например,

там, где ледовое покрытие было угрожающе тонким, его наращивали при помощи досок и хворостяных матов. Но и такой лёд иногда мог «подвести». На многих участках трассы он был способен выдержать лишь наполовину нагруженный автомобиль. А перегонять машины с небольшим грузом было невыгодно. Но и здесь выход был найден, притом весьма своеобразный: половина груза укладывалась на сани, которые прицеплялся к машинам.

Все усилия были ненепросты: 23 ноября первая колонна автомашин доставила в Ленинград 70 тонн муки. С этого дня началась полная героизма и отваги работа шофёров, дорожников-эксплуатационников, регулировщиков, врачей — работа на всемирно известной «Дороге жизни», работа, о которой лучше всего мог сказать только непосредственный участник тех событий. Таковым был старший лейтенант Леонид Резников, напечатанный во «Фронтовом дорожнике» (газета о ладожской военной автотрассе, начавшая издаваться с января 1942 года, редактор — журналист Б. Борисов) стихи о том, что выпадало на долю водителя полуторки в то суровое время:

«Мы спать забывали, мы есть забывали —

И с грузами мчались по льду.

И в варежке стыла рука на штурвале,

Смыкались глаза на ходу.

Преградой пред нами снаряды свистели,

Но путь был — в родной Ленинград.

Вставали навстречу пурга и метели,

Но воля не знала преград!»

Действительно, снаряды были серьёзным препятствием на пути смелых шофёров. Уже упоминавшийся выше генерал-полковник вермахта Ф. Гальдер в декабре 1941 года писал в своём военном дневнике: «Передвижение транспорта противника по льду Ладожского озера не прекращается... Наша авиация начала налёты...». Этой «нашей авиации» противостояли советские 37- и 85-миллиметровые зенитные орудия, множество зенитных пулемётов. С 20 ноября 1941 года по 1 апреля 1942 года советские истребители для патрулирования пространства над озером вылетали около 6,5 тыс. раз, провели 143 воздушных боя и сбили 20 самолетов с чёрно-белым крестом на корпусе.

Первый месяц работы ледовой магистрали не принёс ожидаемых результатов: из-за сложных погодных условий, не лучшего состояния техники и воздушных налётов немцев план по перевозкам не был выполнен. До конца 1941 года в Ленинград было доставлено 16,5 тонн грузов, а фронт и город требовали по 2 тыс. тонн ежедневно.

В своём новогоднем выступлении Гитлер произнёс: «Ленинград мы не штурмуем сейчас сознательно. Ленинград выжрет самого себя!» Однако фюрер просчитался. Город на Неве не только подавал признаки жизни — он пытался жить так, как это было бы возможно в мирное время. Вот какое сообщение было опубликовано в газете «Ленинградская правда» в конце 1941 года:

## «ЛЕНИНГРАДЦАМ К НОВОМУ ГОДУ.

Сегодня населению города дополнительно к ежемесячным продовольственным нормам будет выдано: по пол-литра вина — рабочим и служащим и по четверти литра — иждивенцам.

Исполком Ленсовета принял решение провести с 1 по 10 января 1942 года в школах и детских садах новогодние ёлки. Все дети будут угощаться праздничным обедом из двух блюд без вырезки талонов из продовольственных карточек».

Такие билеты давали право окунуться в сказку тем, кому пришлось раньше времени стать взрослее, чьё счастливое детство стало невозможным из-за войны, чьи лучшие годы были омрачены голодом, холодом и бомбёжками, смертью друзей или родителей. И, тем не менее, власти города хотели, чтобы дети почувствовали, что даже в таком аду есть поводы для радости, и наступление нового 1942 года — один из них.

Но до наступавшего 1942 года дожили далеко не все: только в декабре 1941-го от голода и холода скончалось 52 880 человек. **Общее же количество жертв блокады — 641 803 человека.**

Вероятно, чем-то похожим на новогодний подарок было и прибавление (впервые за всё время блокады!) к тому убогому пайку, который полагался. Утром 25 декабря каждый рабочий получил по 350 граммов, а «сто двадцать пять блокадных грамм — с огнём и кровью пополам», как писала Ольга Фёдоровна Берггольц (которая, кстати, наряду с простыми ленинградцами переносила все тяготы вражеской осады), превратились в 200 (для остального населения). Без сомнения, этому поспособствовала и «Дорога жизни», которая с нового года стала действовать активнее прежнего. Уже 16 января 1942 года вместо намеченных 2 тыс. тонн было доставлено 2, 506 тыс. тонн грузов. С этого дня план стал перевыполняться регулярно.

24 января 1942 года — и новая надбавка. Теперь по рабочей карточке выдавали по 400 гр., по карточке служащего — 300 гр., по карточке ребёнка или иждивенца — 250 гр. хлеба. А спустя ещё некоторое время — 11 февраля — рабочим стали выдавать по 400 гр. хлеба, всем остальным же — по 300 гр. Примечательно, что целлюлозу больше не использовали в качестве одного из ингредиентов при выпечке хлеба.

**С Ладужской трассой связана и ещё одна спасительная миссия — эвакуация**, начавшаяся ещё в конце ноября 1941 года, но получившая массовый характер лишь в январе 1942-го, когда лёд стал в достаточной степени прочным. Эвакуации подлежали в первую очередь дети, больные, раненые, инвалиды, женщины с малолетними детьми, а также научные работники, студенты, рабочие эвакуируемых заводов вместе с семьями и некоторые другие категории граждан.

Но советские вооружённые силы тоже не дремали. С 7 января по 30 апреля проводилась Любанская наступательная операция войск Волховского фронта и части сил Ленинградского фронта, направленная на прорыв блокады. Поначалу движение советских войск на любанском направлении

имело некоторый успех, но бои велись в лесистой и болотистой местности, для эффективности наступления были нужны немалые материальные и технические средства, а также продовольствие. Недостаток во всём вышеперечисленном вкупе с активным сопротивлением немецко-фашистских войск привело к тому, что в конце апреля Волховскому и Ленинградскому фронтам пришлось перейти к оборонительным действиям, и операция была завершена, так как задача не была выполнена.

Уже в начале апреля 1942 года из-за серьёзного потепления ладожский лёд стал подтаивать, кое-где появлялись «лужи» глубиной до 30-40 см, но закрытие озёрной автотрассы произошло только 24 апреля.

*С 24 ноября 1941 года по 21 апреля 1942 года в Ленинград было привезено 361 309 тонн грузов, эвакуировано 560,304 тыс. человек.* Ладожская автомагистраль позволила создать небольшой неприкосновенный запас продовольственных продуктов — около 67 тыс. тонн.

Тем не менее, Ладога не переставала служить людям. За летне-осеннюю навигацию в город было доставлено около 1100 тыс. тонн различных грузов, а также эвакуировано 850 тыс. человек. *За всё время блокады из города было вывезено не менее полутора миллиона человек.*

А что же город? «Хотя рвались ещё снаряды на улицах и гудели в небе фашистские самолёты, город наперекор врагу оживал вместе с весной». До Ленинграда дотянулись солнечные лучи и унесли морозы, так долго терзавшие всех. Голод тоже начал понемногу отступать: увеличился хлебный паёк, началась выдача жиров, крупы, сахара, мяса, но в очень ограниченном количестве. Последствия зимы были неутешительными: множество людей продолжало умирать от дистрофии. Поэтому борьба за спасение населения от этой болезни стала стратегически важной. С весны 1942 года самое широкое распространение получили пункты питания, к которым на две-три недели прикреплялись дистрофики первой и второй степеней (при третьей степени человека госпитализировали). В них больной получал блюда, в полтора-два раза калорийнее, чем полагалось по стандартному пайку. Эти столовые помогли восстановиться около 260 тыс. человек (в основном, рабочим промпредприятий).

Также действовали столовые общего типа, где питались (согласно статистике за апрель 1942 года) не менее миллиона человек, то есть большая часть города. Там сдавали свои продовольственные карточки и взамен получали трёхразовое питание и соевое молоко и кефир в придачу, а начиная с лета — овощи и картофель.

С наступлением весны многие отправились за город и стали вскапывать землю под огороды. Партийная организация Ленинграда поддержала этот почин и призвала каждую семью иметь свой огород. В горьком даже был создан отдел сельского хозяйства, а в радиозфире постоянно звучали советы по выращиванию того или иного овоща. В специально приспособленных городских теплицах выращивалась рассада. Некоторые из заводов наладили выпуск лопат, леек, граблей и прочих огородных инструментов.

Индивидуальными участками были усыпаны Марсово поле, Летний сад, Исаакиевская площадь, парки, скверы и т.д. Любая клумба, любой клочок земли, хоть немного пригодный для такого фермерства, вспахивался и засеивался. Свыше 9 тыс. га земли были заняты картофелем, морковью, свёклой, редисом, луком, капустой и т.п. Практиковался и сбор съедобных дикорастущих растений. Затея с огородами была ещё одной неплохой возможностью улучшить снабжение пропитанием войска и населения города.

Ко всему прочему, Ленинград сильно загрязнился за осеннее-зимний период. Не только в моргах, но даже просто на улицах лежали захороненные трупы, которые с приходом тёплых дней начали бы разлагаться и стали бы причиной масштабной эпидемии, чего городские власти никак не могли допустить.

25 марта 1942 года исполком Ленгорсовета в соответствии с постановлением ГКО об очистке Ленинграда принял решение о мобилизации всего трудоспособного населения на работы по уборке дворов, площадей и набережных ото льда, снега и всевозможных нечистот. С трудом поднимая рабочие инструменты, истощённые жители боролись на своей фронтовой линии — линии между чистотой и загрязнённостью. К середине весны были приведены в порядок не менее 12 тыс. дворов, более 3 млн. кв. км улиц и набережных теперь сверкали чистотой, вывезли около миллиона тонн мусора.

15 апреля был по-настоящему знаменателен для каждого ленинградца. Почти пять тяжелейших осенних и зимних месяцев все, кто работал, преодолевали расстояние от дома до места службы пешком. Когда в желудке — пустота, ноги немеют на морозе и не слушаются, а над головой свистят снаряды, то даже какие-то 3-4 километра кажутся каторгой. И вот, наконец, наступил тот день, когда каждый мог войти в трамвай и добраться хоть до противоположного конца города без всяких усилий. К концу апреля трамваи ходили уже по пяти маршрутам.

Чуть позже восстановили и такую жизненно необходимую коммунальную услугу, как водоснабжение. Зимой 1941-42 гг. только примерно в 80-85-ти домах работал водопровод. Те же, кто был не из числа счастливых, населявших такие дома, вынужден был всю холодную зиму брать воду из Невы. К маю 1942-го краны ванн и кухонь вновь зашумели от проточной H<sub>2</sub>O. Водоснабжение снова перестало считаться роскошью, хотя радости многих ленинградцев не было предела: «Это трудно объяснить, что испытывал блокадник, стоя у открытого крана, любясь струёй воды... Солидные люди, словно ребяташки, брызгались и плескались над раковинами». Восстановили и канализационную сеть. Открылись бани, парикмахерские, ремонтно-бытовые мастерские.

Как и на Новый год, на Первомай 1942 года ленинградцам выдали следующие дополнительные продукты: детям — по две таблетки какао с молоком и по 150 гр. клюквы, взрослым — по 50 гр. табака, 1,5 литра пива или вина, 25 гр. чая, 100 гр. сыра, 150 гр. сухофруктов, 500 гр. солёной рыбы.

Окрепнув физически и получив моральную подпитку, оставшиеся в городе жители вернулись в цеха за станки, но топлива до сих пор не хватало, поэтому около 20 тыс. ленинградцев (почти все — женщины, подростки и пенсионеры) отправились на заготовку дров и торфа. Их усилиями до конца 1942 года заводы, фабрики и электростанции получили 750 тыс. куб. метров древесины и 500 тыс. тонн торфа.

Торф и дрова, добытые ленинградцами, приплюсованные к каменному углю и нефти, привозимые извне кольца блокады (в частности, посредством построенного в рекордные сроки — менее чем за полтора месяца — Ладожского трубопровода), вдохнули жизнь в промышленность города на Неве. В апреле 1942-го 50 (в мае — 57) предприятий выпускали военную продукцию: за апрель-май фронту было отправлено 99 орудий, 790 пулемётов, 214 тыс. снарядов, более 200 тыс. мин.<sup>2</sup>

Гражданская индустрия старалась не отставать от военной, возобновив выпуск товаров широкого потребления. Прохожие на городских улицах сбросили с себя ватные штаны и фуфайки и нарядились в пальто и костюмы, платья и цветные косынки, чулки и туфельки, а ленинградки уже «пудрят носы и красят губы».

Чрезвычайно важные события происходили в 1942 году на фронте. С 19 августа по 30 октября проходила Синявская наступательная операция войск Ленинградского и Волховского фронтов при поддержке Балтийского флота и Ладожской военной флотилии. Это была четвёртая попытка прорыва блокады, как и предыдущие, не решившая поставленной цели, но сыгравшая определённо положительную роль в деле обороны Ленинграда: было сорвано очередное покушение немцев на неприкосновенность города.

Дело в том, что после героической 250-дневной обороны Севастополя советским войскам пришлось покинуть город, а затем и весь Крым. Так что на юге фашистам стало полегче, и можно было сосредоточить всё внимание германского командования на проблемах, имеющих на севере. 23 июля 1942 года Гитлер подписал директиву № 45, в которой, выражаясь простонародно, «давал добро» на проведение операции по штурму Ленинграда в начале сентября 1942 года. Сначала она называлась «Feuerzauber» (в пер. с нем. — «Волшебный огонь»), затем — «Nordlicht» («Северное сияние»). Но у противника не только не получилось совершить значительный прорыв к городу: вермахт в ходе боевых действий потерял 60 тыс. человек убитыми, более 600 орудий и миномётов, 200 танков и столько же самолётов. Были созданы предпосылки для успешного прорыва блокады в январе 1943 года.

Зима 1942-43 годов была для города не столь мрачной и безжизненной, как предыдущая. На улицах и проспектах уже не было гор мусора и снега. Трамваи снова стали привычным явлением. Открылись школы, кино и театры. Почти повсеместно действовали водопровод и канализация. Окна квартир теперь были застеклены, а не безобразно заколочены подручными материалами. Имелся небольшой запас энергоносителей и провианта.

Многие продолжали заниматься общественно полезным трудом (помимо основной работы). Примечательно, что с 22 декабря 1942 года началось вручение медали «За оборону Ленинграда» всем отличившимся.

В городе наблюдалось некоторое улучшение ситуации с провизией. Кроме того, зима 1942-43 оказалась более мягкой, нежели предыдущая, поэтому ладожская автодорога во время зимы 1942-43 действовала только 101 день: с 19 декабря 1942 по 30 марта 1943 года. Но водители не позволяли себе расслабляться: общий грузооборот составил более 200 тыс. тонн грузов.

### Глава III. «СТРАНА, ХУДОЖНИКИ КОТОРОЙ В ЭТИ СУРОВЫЕ ДНИ СОЗДАЮТ ПРОИЗВЕДЕНИЯ БЕССМЕРТНОЙ КРАСОТЫ И ВЫСОКОГО ДУХА, — НЕПОБЕДИМА!»

«В годы войны наш народ защищал не только свою землю. Он защищал мировую культуру. Он защищал всё прекрасное, что было создано искусством», — писала Татьяна Тэсс. Действительно, советские люди стремились сохранить и уберечь от фашистского варварства всё - то культурное наследие, которое им осталось от мастеров прошлого. Ведь германские оккупанты подвергли разорению не только сам Ленинград: от их рук пострадали многие пригородные города. Были разрушены и разграблены всемирно известные памятники русского зодчества.

Из дворцов-музеев Пушкина вывезли бесценную янтарную комнату, китайские шелковые обои, золочёные резные украшения, старинную мебель и библиотеку. Дворец в Павловске тоже недюжинно оскудел после того, как там побывали немцы: он лишился скульптур, части коллекции редчайшего фарфора XVIII века, паркета, представляющего огромную художественную ценность, бронзовых дверных украшений, барельефов, гобеленов, некоторых стенных и потолочных плафонов.

Но более, чем в других, фашисты зверствовали в Петергофе. Большой Петергофский дворец, заложенный ещё при Петре I, был сожжён, а имущество разграблено. Громадный ущерб был нанесён Петергофскому парку. Статуя-фонтан «Самсон, раздирающий пасть льва» был распилен на части и вывезен в Германию. В верхнем и нижнем парках были сняты фонтан «Нептун», скульптурные украшения террасы Большого каскада и другие ценные изваяния.

Государственный Эрмитаж, хоть он и не подвергался фашистскому вандализму непосредственно, то есть изнутри, но и его сокровища были под немалой угрозой, посему спасение его экспонатов стало задачей первостепенной важности. Директором знаменитого музея в те годы был выдающийся востоковед, академик АН СССР Иосиф Абгарович Орбели, впоследствии вспоминавший, как с первых же дней войны весь персонал Эрмитажа не покладая рук трудился над упаковкой экспонатов, тратя на еду и отдых не больше часа. Работа шла непрерывно, день и ночь, на протяжении восьми суток. Сотрудникам музея помогало огромное количество тех людей, кто раньше в этих залах мог быть только посетителем, но кому была небезразлична судьба предметов-свидетелей истории. Это были художники, скульпторы, педагоги, служащие научных учреждений и многие другие. Они упрашивали допустить их хотя бы до самой тяжёлой работе. В итоге, уже 1 июля был отправлен первый эшелон с экспонатами, а 20 июля отправили второй.

Эрмитажные ценности вывозились в тыл при сопровождении некоторых сотрудников музея, но его дирекции «приходилось выдерживать борьбу с людьми, отказывавшимися от возможности выезда в безопасные районы



страны, лишь бы не расставаться с родным городом и с родным музеем. Покидать стены Эрмитажа и Зимнего дворца никто не хотел».

В залах Эрмитажа оставались только те предметы, которые имели второстепенное значение, или слишком громоздкие коллекции (одна из них — знаменитая коллекция исторических экипажей), которые было слишком сложно вывезти. Небольшая группа сотрудников хранила коллекции, упакованные и перенесённые в безопасные кладовые и подвалы. Но от непрерывных авиаударов по зданию музея (в него попало более 30 снарядов) и постоянно лопавшихся водопроводных труб экспонаты изголодавшимся и ослабленным музейщикам приходилось переносить из подвала в подвал, из зала в зал бесчисленное количество раз, ведь предметы старины не терпят ни повышенной влажности, ни холодного воздуха. Но за всё время блокады ни один значительный экспонат не был потерян, испорчен или уничтожен.

Эрмитаж стремительно пустел, но не забывал своего предназначения. В фельдмаршалском Малом тронном и Гербовом парадных залах Зимнего дворца действовала большая выставка, посвященная героическому ратному прошлому русского народа. В галерее Отечественной войны 1812 года можно было увидеть простреленный под Полтавой шведской пулей мундир Петра Великого, серый походный сюртук Наполеона, мундиры Кутузова и т.д. В Гербовом зале Зимнего дворца были выставлены знамёна шведского короля Карла XII, прусского короля Фридриха, Наполеона — трофеи русских воинов Иосиф Абгарович Орбели также подготавливал торжество по случаю 800-летия азербайджанского поэта Низами Гянджеви, состоявшегося 19 октября 1941 года. Когда Иосифу Абгаровичу намекнули, что затевать такое в данное время, прежде всего, небезопасно, но есть другие причины, по которым празднование этой круглой даты может быть сорвано. В ответ на такие слова Орбели заявил: «Юбилей должен состояться в Ленинграде! Вы подумайте — вся страна будет отмечать юбилей Низами, а Ленинград не сможет! Чтобы фашисты сказали, что они сорвали нам юбилей! Мы должны провести его во что бы то ни стало!» И провели: с фронта были командированы два востоковеда, читали стихотворения этого выдающегося азербайджанского поэта, притом как в переводе на русский язык, так и в оригинале; произносились речи, доклады о жизни и творчестве Низами, устроили небольшую выставку из того, что не было вывезено. Директором Эрмитажа было рассчитано с точностью до считанных минут время проведения мероприятия: юбилей был начат и закончен аккуратно между двумя артобстрелами.

Не прошло и двух месяцев, как 10 декабря 1941 года в 4 часа дня в помещении Эрмитажа состоялось ещё одно тожественное заседание, на этот раз посвящённое 500-летию великого поэта среднего Востока Алишера Навои. Вступительное слово к данному мероприятию было таково: «Уже один тот факт чествования поэта в Ленинграде, осаждённом, обречённом на страдания от голода и надвигающейся стужи, в городе, который враги

считают уже мёртвым и обескровленным, ещё раз свидетельствует о мужественном духе нашего народа и его несломленной воле...».

Осенью 1941 года Правительство предложило командованию Северо-Западного фронта и руководству ленинградской партийной организации обеспечить вылет из блокадного города на Большую землю крупных деятелей науки и культуры. Списки «Золотого фонда», как назывался перечень имён выдающихся ленинградцев, начинались с профессора И.И. Джанелидзе — главного хирурга флота, члена-корреспондента АН СССР, генерал-лейтенанта медицинской службы. На просьбу покинуть осаждённый город Джанелидзе ответил: «Я никуда из Ленинграда не уеду!» Такими же были ответы многих других деятелей, значившихся в «Золотом фонде».

Художники, творившие в блокадную пору, также пытались внести свой вклад в общее дело борьбы с фашистским недругом. В начале января 1942 года была устроена выставка под названием «Ленинград в дни Отечественной войны», на которой представлялось 127 картин и эскизов 37 художников. В выставочном зале был десятиградусный мороз, а участники выставки едва могли передвигаться. Особенно трагична судьба художника Герца, который принёс с Васильевского острова два эскиза, один из них — в тяжелой позолоченной раме. «Картины должны хорошо выглядеть,» — сказал он. В тот же день Герц умер от дистрофии в зале выставки...

Позже работы ленинградских художников: рисунки Н. Дормидонтова («У воды», «Во дворе», «Очередь в булочную», «Очистка города» и т.д.), рисунки А. Пахомова («Ведут в стационар», «За водой» и т.п.) выставлялись в Москве. Художник П. Соколов-Скаля, будучи под впечатлением от увиденного, написал: «Образ гневного, решительного, ошестившегося штыками города, образы героизма обыкновенных, вчера ещё мирных людей, образы беззаветного мужества и стойкости детей, женщин и старцев, рабочих и учёных, бойцов и академиков встают во всём величии на этой скромной по размерам, но глубокой по драматизму выставке».

Весна 1942 года открыла новую страницу не только в жизни самих ленинградцев, но и культурной жизни города. Повсеместно начали открываться кинотеатры, возобновилась концертно-театральная жизнь. В марте 1942-го в здании Академии театра им. А.С. Пушкина состоялся первый симфонический концерт. Хотя в помещении было ужасно холодно, и все сидели в верхней одежде, но, слушая великую музыку Глинки, Чайковского, Бородина, никто не обращал внимания на эти неудобства.

Среди всех развлекательных заведений весь период блокады проработал созданный в 1924 году Ленинградский театр музыкальной комедии, давший 2350 концертов для фронтовиков и горожан. Возглавляемый в годы войны Н.Я. Янетом, за 1941-45 годы он представил на суд публики 15 премьер. В 1942 году состоялись две наиболее значительные премьерных спектакля: оперетта о партизанах «Лесная быль» А.А. Логинова (премьера — 18 июня) и музыкальная комедия «Раскинулось море широко», приуроченная к 25-летию Великой Октябрьской Социалистической революции (премьера — 7 ноября) и

повествующая о быте блокадников и их героической борьбе (постановка В.Л. Витлина, Л.М. Круца, Н.Г. Минха).

Нам известно немало литературных произведений, посвящённых Великой Отечественной Войне, в частности, обороне и блокаде Ленинграда. Например, цикл стихотворений «Мужество» Анны Ахматовой, которую осада застала в любимом городе. Ахматова уже была тяжело больна, когда её эвакуировали в Ташкент. Другая выдающаяся ленинградская поэтесса, Ольга Берггольц, свой родной город не покидала вовсе. Всё творчество Ольги Фёдоровны проникнуто теплотой даже к тому совсем неприглядному Ленинграду зимой 41-го (поэма «Твой путь»), бесконечной верой, что он не погибнет, он вернётся и станет краше прежнего, так же, как и его жители (стихотворение «Разговор с соседкой» и проч.). Она постоянно выступала по радио вместе с коллегами-поэтами Николаем Тихоновым, Михаилом Дудиным, Всеволодом Вишневским. Н. Тихонов как-то сказал, что в такое время музы не могут молчать. И музы говорили. Говорили жёстким, но правдивым словом патриота. В своей поэме «Киров с нами» Тихонов обратил в стихотворную форму помышления и чаяния всех ленинградцев:

«Враг силой не смог нас осилить,  
Нас голодом хочет он взять,  
Отнять Ленинград у России,  
В полон ленинградцев забрать.  
Такого вовеки не будет  
На невском святом берегу,  
Рабочие русские люди  
Умрут, не сдадутся врагу».

Ещё одна известная ленинградка Вера Инбер в своей поэме «Пулковский меридиан» настроена ещё более радикально, что, впрочем, не лишено своей логики. Поэтесса с ненавистью пишет о фашизме, предрекая скорую и неминуемую гибель, а также выражая желание отомстить за все злодеяния нацистов:

«Мы отомстим за всё: за город наш,  
Великое творение Петрово,  
За жителей, оставшихся без крова,  
За мёртвый, как гробница, Эрмитаж...  
За гибель петергофского «Самсона»,  
За бомбы в Ботаническом саду...  
Мы отомстим за юных и за старых:  
За стариков, согнувшихся дугой,  
За детский гробик, махонький такой,  
Не более скрипичного футляра.  
Под выстрелами, в снеговую муть,  
На саночках он совершал свой путь».

Однако самым знаменательным культурным событием в блокадном Ленинграде было исполнение 7-й симфонии Д.Д. Шостаковича, оконченной в

декабре 1941 года. «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою 7-ю симфонию» — написал Шостакович на партитуре к своему произведению. В марте 1942 года она впервые прозвучала в Большом театре Куйбышева (теперь — Самара), а затем — в Москве. 9 августа 1942 года симфония впервые исполнялась в Ленинградской Государственной филармонии. Этому предшествовали полная опасности доставка партитуры по воздуху; пополнение состава оркестра теми, кто воевал на фронте; изменение формата исполнения, связанное с угрозой авианалётов (по замыслу Шостаковича, после первой части должен быть антракт, а остальные три части исполняются без перерыва, но тогда симфония игралась вовсе без интервалов); всего пять или шесть репетиций перед исполнением. Но всё же концерт состоялся! Вот как вспоминает об этом небывалом для блокадного города событии ленинградка Н.И. Земцова: «Когда мы увидели афиши на улицах, что в филармонии будет концерт, мы не помнили себя от радости. Не могли себе представить, что у нас прозвучит Седьмая симфония Шостаковича.... Трудно описать необыкновенную обстановку, счастливые лица людей, пришедших в филармонию как на огромный праздник.... Музыканты заняли свои места. Одеты они были кто в чём. Многие в солдатских шинелях, в армейских сапогах, тужурках, гимнастёрках. И только один человек был в полной артистической форме — дирижер. Карл Ильич Элиасберг встал за дирижёрский пульт, как и положено было, во фраке. Он взмахнул палочкой. И зазвучала несказанной красоты и величия музыка. Мы были потрясены. Наши чувства не передать. И весь концерт прошёл покойно. Ни одной тревоги!» В небе над Ленинградом действительно всё было спокойно: 14-й гвардейский артиллерийский полк не дал ни одному Вражескому самолёту прорваться к городу.

#### Глава IV. «ВПЕРЁД, ОРЛЫ! ЛОМАЙ БЛОКАДУ, ЕЁ ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЬЦО!»

В начале зимы 1942-43 годов Ладожское Озеро долго не замерзло, поэтому положение Ленинграда снова было весьма бедственно. Прорыв блокады нужен был, как воздух.

В конце ноября 1942 года Военный совет Ленфронта доложил в Ставку, что первоочередной задачей боевых действий зимой 1942-43 должна быть операция по прорыву блокады. Военный совет просил Ставку разрешить: «Организовать прорыв фронта противника на участке 2-й Городок, Шлиссельбург и ударом вдоль побережья Ладожского озера с одновременно встречным ударом войск Волховского фронта соединиться с последним. Цель операции — снять блокаду с Ленинграда, обеспечить постройку железной дороги вдоль Ладожского канала и тем самым организовать нормальное сообщение Ленинграда со страной, обеспечить свободу манёвра войск обоих фронтов».

Рассмотрев это предложение, представленное командующими Ленинградского (генерал-лейтенант Л.А. Говоров) и Волховского (генерал армии К.А. Мерецков) фронтов, Ставка ВГК 2 декабря утвердила план операции под кодовым названием «*Искра*». А 8 декабря в 22 ч. 15 мин. ставкой была подписана директива командующим Волховским и Ленинградским фронтами. В ней указывалось: «Совместными усилиями ... разгромить группировку противника в районе Липка, Гайтолово, Московская Дубровка, Шлиссельбург — таким образом разрубить осаду города Ленинграда».

Местом прорыва блокады был избран узкий шлиссельбургско-синявский выступ, разделявший силы двух фронтов не более чем на 16 км. У полосы земли были свои преимущества и недостатки. Первое заключалось в том, что как говорил командующий волховским фронтом К.А. Мерецков, «это направление позволяло решить задачу прорыва одним коротким ударом, не опасаясь длительных затяжных боёв». Но сложность была в том, что на протяжении 16 месяцев немцы непрерывно укрепляли «Flaschenhals», то есть «бутылочное горло», как они именовали этот выступ, и совершенствовали его оборонительную систему. Ко всему прочему, данная местность лесистая и болотистая, так что, по словам К.А. Мерецкова, «трудной борьбе с противником сопутствовала не менее трудная борьба с природой».

Что же касается самой «Искры», то она существенно отличалась от всех предыдущих попыток прорыва блокады тем, что ранее наступления проводились только с внешней стороны кольца, то есть со стороны Волховского фронта. Теперь же планировалось нанести одинаково мощные удары с двух сторон: изнутри блокадного кольца и извне его.

К началу 1943 года в составе ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов было сосредоточено: 282 тыс. солдат и офицеров, 4 300

орудий и миномётов, 214 зенитных орудий, 530 танков, 637 реактивных установок. Планировалось участие почти 900 самолётов.

В 9 ч. 30 мин. 12 января 1943 года стартовала артиллерийская подготовка в полосах прорыва 67-й и 2-й ударной армий. Свыше 4,5 тыс. орудий и миномётов обрушили на позиции противника тонны металла. Дальнобойная артиллерия вела огонь по расположенным в тылу врага штабам, резервам, батареям, а орудия, выставленные для стрельбы прямой наводкой, уничтожали огневые точки и оборонительные сооружения на переднем крае.

По показаниям пленных, удар советской артиллерии ошеломил фашистов. «Артиллерийский огонь русских уничтожающим ударом обрушился на нас и заставил дрогнуть наши ряды, — заявил пленный унтер-офицер 366-го пехотного полка 227-й пехотной дивизии, — разрушены были многие огневые точки. Создалось безвыходное положение». «Я артиллерист, но никогда ещё не видел до этого наступления такого сокрушительного удара», — подтверждал другой пленный.

Наступление было столь стремительным, что уже через 15-20 минут после начала атаки первые эшелоны овладели немецкой траншеей, проходившей вдоль левого берега Невы.

В 11 ч. 15 мин. в наступление перешли волховские дивизии, а в 11 ч. 50 мин. — передовые части ленинградских дивизий.

Героические усилия воинов Ленинградского и Волховского фронтов привели к тому, что в первый же день боёв были прорваны основные оборонительные рубежи противника и созданы условия для дальнейшего успешного наступления.

Однако 13 и 14 января продвижение ударных группировок фронтов происходило крайне медленно. Неприятель стремился остановить наступление советских войск и вернуть утраченные позиции.

В течение 15-17 января войска Ленинградского и Волховского фронтов, преодолевая упорное сопротивление фашистов, вели упорные бои у Рабочих посёлков № 1 и 5.

18 января в 9 ч. 30 мин. на восточной окраине Рабочего посёлка № 1 части 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта соединились с частями 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта. В полдень в Рабочем посёлке № 5 соединились части 136-й стрелковой дивизии и 61-й танковой бригады Ленинградского фронта с частями 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта. К концу дня произошли встречи и других соединений и частей двух фронтов.

«Прорыв обороны противника показал высокий боевой дух наших войск и возросшее искусство командиров. ... Проведённая операция ясно и наглядно показала, что задача полного и освобождения города Ленинграда от немецкой осады ... нашим войскам по плечу». (командующий Ленинградским фронтом, генерал-полковник Л.А. Говоров)

«18 января — день великого торжества двух наших фронтов. ... Сверкание «Искры» превратилось в финальный фейерверк — салют Москвы

20-ти залпами из 224-х орудий...» (командующий Волховским фронтом, генерал армии К.А. Мерецков).

**«Прорыв блокады Ленинграда ... вошёл в историю Великой Отечественной войны ... как ярчайший пример мужества, отваги наших войск к победе».** (генерал-лейтенант, командующий войсками 2-й ударной армии В.З. Романовский)

Весть о прорыве опротивевшей блокады мигом облетела огромный Ленинград: люди на улицах кричали «Ура!», смеялись и плакали от радости. **В ночь на 19 января 1943 года радио говорило взволнованным голосом Ольги Берггольц: «Блокада прорвана! Мы давно ждали этого дня. Мы всегда верили, что он будет. Мы были уверены в этом в самые чёрные месяцы Ленинграда — январе и феврале прошлого года. Наши погибшие в те дни родные и друзья, те, кого нет с нами в эти торжественные минуты, умирая, упрямо шептали: «Мы победим...» И мы сами, каменея от горя ... вместо прощального слова клялись им: «Блокада будет прорвана. Мы победим»...»**

Утром 19 января первые полосы газет западных СМИ пестрели заголовками статей о прорыве Блокады Ленинграда. Например, американская «New York Times», никогда не отличавшаяся особой благосклонностью к СССР, в статье «Голодающий Ленинград устоял перед огромной армией» писала: «Гражданскому населению не хватало продовольствия, и недоедание привело к огромным жертвам, но оборона держалась. Бомбы падали с неба днём и ночью, снаряды дальнобойной артиллерии рвались в центре города, но Красная Армия и жители города устояли...»

Высоко оценивший подвиг ленинградцев и героизм солдат, прорвавших блокаду, президент США Ф.Д. Рузвельт прислал городу на Неве специальную грамоту, где говорилось: «От имени народа Соединённых Штатов Америки я вручаю эту грамоту Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустранимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии».

Прорыв блокады благотворно сказался на внутреннем положении города. Сухопутная связь со страной была восстановлена. По вновь построенной железной дороге вдоль южного берега Ладоги с февраля по декабрь 1943 года в Ленинград было доставлено 4,4 млн. продовольствия, топлива, сырья, вооружений и боеприпасов.

Весной 1943 года ГКО принял Постановление о восстановлении предприятий Ленинграда. До конца года в действии были уже 85 заводов и фабрик: «Электросила», Кировский, «Большевик», «Русский дизель»,

«Красный химик» и т.п. Инженеры и рабочие Волховской ГЭС восстановили шесть её агрегатов общей мощностью в 48 тыс. кВт.

Летом 1943 года 212 ленинградских предприятий выпускали более 400 видов военной продукции. За год фронту было дано 2,5 млн. снарядов, мин и авиабомб, свыше 166 тыс. автоматов, ручных и станковых пулемётов, а также отремонтировано около 2 тыс. танков, 1,5 тыс. самолётов, 250 боевых кораблей и проч.<sup>1</sup>

Жизнь гражданского населения Ленинграда медленно, но верно приходила в норму (конечно, соизмеримо с другими прифронтовыми городами). К зиме 1943-44 в 99% домов уже действовал водопровод, отремонтировано 350 тыс. кв. м. уличных и пригородных магистралей, 500 трамваев курсировали по 12 маршрутам.

Продовольственная ситуация также понемногу налаживалась: горожане стали получать продукты питания по нормам других городов Советского Союза. Пригородные подсобные хозяйства и совхозы дали городу 73 тыс. тонн овощей и картофеля, десятки тысяч тонн собрано на индивидуальных участках.

Но блокада ещё продолжала мучить горожан, ведь линия фронта до сих пор проходила у самой городской черты. Не надеясь ни на штурм города, ни на его захват при помощи длительной осады, гитлеровцы в отчаянии стремились принести Ленинграду как можно более серьёзный ущерб. За весь 1943 год на город было сброшено 600 фугасных и 2600 зажигательных бомб; только в марте, апреле и мае город бомбили 69 раз. Однако ленинградские ПВО не молчали. Благодаря их оперативным действиям во второй половине года число налётов резко сократилось. Последний снаряд на городские улицы приземлился в ночь на 17 октября.

Не меньшей проблемой были дальнобойные орудия противника. В 1943 году они выпустили 68 316 артиллерийских снарядов, от которых погибло 1410 и ранено 4600 человек.

Но уже немного оставалось всё стерпевшим и всё пережившим ленинградцам. В январе 1944 года советские вооружённые силы после удачных наступательных манёвров смогли освободить Пушкин, Гатчину, Любань, Чудово, и Октябрьскую железную дорогу и покончили с блокадой окончательно.

**27 января 1944 года Ленинград стал свободным после 872 дней немецко-фашистской осады.** В тот же день грянули залпы 324 орудий. Салют в Ленинграде! Впервые за долгие 29 месяцев город на Неве встрепенулся, озарился, заулыбался.

Британская газета «Star» так писала о полном снятии блокады Ленинграда: «Все свободные и все порабощённые гитлеровцами народы понимают, что какую роль сыграл разгром немцев под Ленинградом для ослабления нацистской мощи. Ленинград уже давно завоевал себе место среди городов-героев нынешней войны. Битва под Ленинградом посеяла



тревогу среди немцев. Она дала им почувствовать, что они лишь временные хозяева Парижа, Брюсселя, Амстердама, Варшавы, Осло».

Да, отныне Ленинград был свободен. Напоследок хотелось бы вспомнить прекрасные строки стихотворения С.Васильева «Ленинградцам»:

«Вы долго страдали. Довольно!

Развеяна вражья блокада.

Вздохнула свободно и вольно

Широкая грудь Ленинграда.

Суровые годы промчатся,

Заблещут иные зарницы.

Но воинский дух ленинградца

В народе моём сохранится.

И будет повсюду, как прежде,

Людскими устами живыми

Всегда повторяться с надеждой

Великое города имя...»

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что ж, мысленно пройден тернистый путь жителей блокадного Ленинграда. Пора подводить итоги, горькие для тех, кто пытался погубить этот могучий город, и радостные для отстоявших его...

Во-первых, нельзя не отметить, что сама битва за Ленинград, длившаяся более трёх лет, является самой продолжительной из всех в Великой Отечественной войны. Блокада же — без одиннадцати дней два года и пять месяцев — также беспрецедентна в мировой истории. Тем и объясняются некоторые «промахи» городских властей в организации как можно более эффективной обороны и защиты Ленинграда. Например, известно, что ещё в августе и начале сентября работали коммерческие столовые, и без карточек можно было купить практически любой высококалорийный, даже деликатесный, продукт. Если прислушаться ко всем логическим доводам, то обнаруживается, что первое снижение норм было сделано несколько поздно. Согласно всё той же логике, было необходимо проводить более чёткие мероприятия по массовой эвакуации населения в безопасные восточные района страны. Но настроенные на бескомпромиссную борьбу с фашизмом, ленинградцы не хотели покидать его, даже превосходно отдавая себе отчёт в том, какими могут быть последствия этого шага.

Но как бы то ни было, для Ленинграда с первых дней осады особое значение приобрели коммуникации, так как ими город не был обеспечен в полной мере. По тем немногим маршрутам, что находились в распоряжении советской стороны, Ленинград мог снабжаться всем необходимым, главным образом, продуктами питания, а также осуществлять эвакуацию. От наличия и состояния коммуникаций зависела вся жизнь Ленинграда и успех борьбы его жителей. Поэтому, когда в конце осени 1941 года навигация по Ладоге почти остановилась, а автомагистраль по озеру ещё не могла дать пользоваться всем своим потенциалом, нормы хлеба стали ничтожными. Позволю себе напомнить, что это были 250 гр. для рабочих и 125 гр. для остальных.

Ещё одно, казалось бы, не совсем логичное действие ленинградской парторганизации — увеличение норм 25 декабря до 350 гр. для рабочих и 200 гр. для всех прочих жителей. Впрочем, и его можно растолковать. Несмотря на огромный энтузиазм ленинградцев сражаться, их работа только на «одних морально-волевых» не могла продолжаться бесконечно. Чтобы народ поднялся духом, было потребно прибавить к его мизерному пайку хоть сколько-нибудь. Сказано — сделано. Но это предприятие было довольно опасно. Дело вот в чём: по Ладожской автодороге — основному связующему звену с внешним миром — Ленинград ежедневно получал по 700 тонн продовольствия, а потреблял 600 тонн в сутки (при расчёте на старые нормы). Путём нехитрых арифметических вычислений получаем, что запас составлял всего 100 тонн. Машины добирались из пунктов сброса всех грузов до города в общей сложности не менее двух дней, а тот невеликий резерв

оставался в Тихвине, который находился не так уж и близко к Ленинграду. Учитывая, что месяц Тихвин был «под немцами» свыше месяца, не могла не существовать угроза нового захвата этого городка (тем паче, что противник прекрасно знал его стратегическую значимость). Если бы что-нибудь произошло бы в этом районе, положение Ленинграда стало бы сверхкритическим. Но, как известно, риск — дело благородное, и ставка была сделана на то, что психологический эффект возобладает над экономическим.

Зато неоспоримо нужным и важным решением можно назвать организацию массовой очистки города и повсеместное распространение индивидуальных огородных хозяйств. Благодаря чьей-то гениальной смекалке ленинградцы могли восстанавливаться после ужасно морозной зимы, набираться сил для так нужной всем общественной работы.

Конечно же, в этом финальном обзоре нельзя не сказать о прорыве блокады в январе 1943 года. Его значение для уставшего и изголодавшегося города невозможно переоценить. *Трудные и кровопролитные бои, которые велись на крохотном участке земли, получившим название «невский пяточок», дали Ленинграду до крайней степени надобную сухопутную коммуникацию.* С этого момента инициатива перешла к советской армии, а город облегчённо вздохнул.

27 января навсегда остался в памяти всех жителей блокадного Ленинграда. В этот день в 1944 году осада города, продолжавшаяся ровно 872 сутки, была окончательно снята.

Но о том, чтобы расслабиться, никто не помышлял. Ленинградцы мечтали сделать свой любимый город ещё краше и богаче, чем был до войны. На восстановление Ленинграда было выделено 790 млн. рублей.

...Не все смогли увидеть торжественный салют в честь окончательного снятия блокады, радостных лиц горожан, мирного неба над своей головой. В Ленинграде был возведён не один мемориальный комплекс в честь тех, кто отдал свою жизнь взамен жизней новых поколений. На одном из них — монументе скорбящей Матери-Родины на Пискаревском кладбище, где замирает сердце от вида почти километровой череды холмов, братских могил, — высечена надпись:

«Здесь лежат ленинградцы.

Здесь горожане — мужчины женщины, дети.

Рядом с ними солдаты — красноармейцы.

Всею жизнью своею они защищали тебя...

Их имён благородных мы здесь перечислить не сможем:

Так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням,

Никто не забыт и ничто не забыто».

***Воистину: никто не забыт и ничто не забыто!***

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Всемирная история: т. X. Москва, 1965.
2. История Великой Отечественной Войны Советского Союза 1941-1945: т. 2, 4. Москва, 1961, 1964.
3. Великая Отечественная Война 1941-1945: Энциклопедия. Москва, 1985.
4. Великая Отечественная Война в фотографиях и фотодокументах. Сост. Н.М. Афанасьев и др. Москва, 1985.
5. Очерки о Великой Отечественной Войне 1941-1945. Сост. В.В. Катинов. Москва, 1975.
6. Детская энциклопедия: т. 8, 10. 1961-62.
7. Зубаков В.Е., Ленинград — город-герой. Москва, 1981.
8. Цыбульский И.И., Чечин В.И., Чечин О.И., Разорванное кольцо. Москва, 1985.
9. Жеребов Б.К., Соломахин И.И., Семь январских дней. Ленинград, 1987.
10. Эренбург И.Г., Летопись мужества. Москва, 1983.
11. Маграчев Л.Е., Репортаж из блокады. Ленинград, 1989.
12. Ковальчук В.М. Дорога победы осаждённого Ленинграда. Ленинград, 1984.
13. Еругин Н.П., О тех, кто выстоял. Минск, 1989.
14. Арзуманян А.М., Братья Орбели. Ереван, 1976.
15. Путешествие в страну поэзии. Сост. Л.А. Соловьёва и Д.А. Семичев. Ленинград, 1976.